

**Палеофантастика П. Л. Драверта
в «сибирском тексте» русской литературы***

Татьяна Хоруженко

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**P. L. Dravert's Prehistoric Science Fiction
in the "Siberian Text" of Russian Literature****

Tatiana Khoruzhenko

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines *The Tale of the Mammoth and the Glacier Man*, an unfinished novel by P. L. Dravert. The text is analysed from the point of view of prehistoric fiction and science fiction, as well as from the point of view of the reflection of constants basic for the "Siberian text" of Russian literature. The "Siberian text" was first put forward by V. I. Туупа. In Russian culture, Siberia is connected with several ideas. It is a place for exiles, a place of death and resurrection, a utopian paradise, and a territory where mammoths lived. Dravert's work contains all these characteristics. At the turn of the twentieth century, in Russian literature, there appear several texts about ancient mammoth hunters. It was possible due to the development of paleontology as a science. Dravert's texts stand out from the texts on the same topic. The writer does not show the world of the past to the reader but brings the ancient man to early twentieth-century Siberia. With the help of comparative analysis, the author identifies typical features of the paleo-fiction of Russian modernism (the figure of a mammoth, the topos of a fire, non-localisation in time), as well as the innovations introduced by Dravert. The novel considers not only the Russian traditions of depicting Siberia but

---

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук МК-6131.2021.2 «Творческое наследие уральских поэтов и писателей в контексте исторических вызовов рубежа XIX–XX вв.».

** Citation: Khoruzhenko, T. (2023). P. L. Dravert's Prehistoric Science Fiction in the "Siberian Text" of Russian Literature. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 1. P. 311–324. DOI 10.15826/qr.2023.1.791.

Цитирование: Khoruzhenko T. P. L. Dravert's Prehistoric Science Fiction in the "Siberian Text" of Russian Literature // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 1. P. 311–324. DOI 10.15826/qr.2023.1.791 / Хоруженко Т. Палеофантастика П. Л. Драверта в «сибирском тексте» русской литературы // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 1. С. 311–324. DOI 10.15826/qr.2023.1.791.

also the tradition of Jules Verne. The very figure of the mammoth, extremely significant for modernism, also goes back to the “Siberian” and “Permian” texts (traditions common in Siberia). The author concludes that the text reproduces the unfinished novel of the constants characteristic of the “Siberian text” when their function changes: all established clichés begin to serve as an adventure plot in the spirit of Jules Verne.

Keywords: prehistoric fiction, science fiction, modernism, “Siberian text”, adventure novel, P. L. Dravert

Исследуется неоконченный роман П. Л. Драверта «Повесть о мамонте и ледниковом человеке» как пример жанра научной фантастики и палеофантастики. Целью статьи стало выявление в произведении Драверта констант, позволяющих вписать его в «сибирский текст» русской литературы, впервые выделенный В. И. Тюпой. Сибирь в русской культуре связана с несколькими представлениями: это край ссыльных, место смерти и возрождения, утопический рай и территория, где жили мамонты. В произведении Драверта все эти характеристики находят свое отражение. На рубеже XIX–XX вв. в русской литературе появляется несколько текстов о древних охотниках на мамонтов. Наибольшую роль в художественном интересе к ископаемой жизни сыграло развитие в этот период палеонтологии как науки. При этом произведение Драверта стоит особняком от других текстов схожей тематики: автор не погружает читателей в мир прошлого, а переносит древнего человека в Сибирь начала XX в. С помощью сравнительного анализа были выделены типичные черты палеофантастики русского модернизма (фигура мамонта, топос костра, нелокализованность во времени), а также новации, привнесенные Дравертом. В романе учитываются не только русские традиции изображения Сибири, но и традиция Жюль Верна. Сама фигура мамонта, чрезвычайно значимая для модернизма, тоже восходит к «сибирскому» и «пермскому» текстам (преданиям, распространенным в Сибири). Делается вывод о воспроизведении в тексте неоконченного романа констант, характерных для «сибирского текста», при изменении их функции: все устоявшиеся штампы начинают служить авантурному сюжету в духе Жюль Верна.

Ключевые слова: палеофантастика, фантастика, модернизм, «сибирский текст», авантурный роман, П. Л. Драверт

С середины XIX в. в рамках жанра фантастики развивается направление, впоследствии получившее название научной фантастики. Хотя этот термин некоторыми исследователями считается неудачным или спорным [Ковтун; Козьмина], он отражает значимое общественно-литературное явление: научные открытия стали влиять на художественный процесс и будить фантазию авторов, направляя ее в новые, ранее неизвестные сферы. Как отмечает Л. Геллер, характеризуя фантастику первой половины XIX в., «революционные от-

крытия в археологии, палеонтологии, этнологии сделали модными имена Шампольона, Кювье, фон Гумбольдта и подстегнули воображение писателей. Успехом пользуются теории и рассказы о неизвестных цивилизациях в Кордильерах, Арктике, других затерянных уголках земного шара (эту идею будут эксплуатировать весь XIX-й и добрую четверть XX века)» [Геллер, с. 27]. Интерес к научной составляющей станет основой для романов Жюль Верна, оказавшего большое влияние на формирование жанра научной фантастики. К началу XX в. в русской литературе появятся свои образцы фантастики, основанной на новых открытиях. Прежде всего нужно отметить полуочерковые повести К. Циолковского «На Луне» (1893), «Грезы о земле и небе» (1895). Открытие каналов на Марсе породило целую волну «марсианского» текста в русской литературе, начавшуюся романом П. П. Инфантьева «На другой планете» (1901), а закончившуюся «Аэлитой» А. Толстого (1923).

В то же время на тематику произведений фантастов влияли не только открытия в области физики и астрономии, но и исследования, связанные с прошлым Земли, прежде всего успехи в палеонтологии.

Временем формирования палеонтологии как науки в Европе считается рубеж XVIII и XIX столетий, хотя до этого был пройден «ряд ненаучных, околонучных и примитивно-научных этапов. Аналогичным образом развивалась и отечественная палеонтология, хотя ее окончательным оформлением мы считаем конец первого десятилетия XIX в., когда появились первые публикации Г. И. Фишера фон Вальдгейма с формальным описанием ископаемых организмов с территории России» [Стародубцева, Алексеев, с. 60].

Однако первые исследования в области палеонтологии принадлежат В. Н. Татищеву, описавшему кости мамонтов. «В 1725 г. в Стокгольме была опубликована на латыни отдельной брошюрой статья В. Н. Татищева “Mamontova kost, i.e. ossa subterranea, fossilia, ingentia, ignot animalis Siberia adefferri coepta”. Она написана в форме письма к Э. Бензелию с целью “удовлетворить интерес шведских ученых к мамонту”. Это первая в мире научная статья, посвященная мамонту» [Там же, с. 62]. На русском языке статья «О звере мамонте» В. Н. Татищева была закончена в 1729 г., к ней прилагалось письмо с ответами на вопросы архиепископа Новгородского Феофана Прокоповича [Там же, с. 62].

В то же время работы В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова рассматриваются исследователями «как предыстория российской палеонтологии» [Жамойда и др., с. 85]. Периодом расцвета исследований в данной области можно считать 1850–1880-е г.: «В Москве активно работал в области изучения в основном юрских и меловых фаун беспозвоночных Г. А. Траутшольд (1817–1902). Последняя четверть XIX и начало XX в. в России, как и во всем мире, стали временем резкого роста числа палеонтологов и работ палеонтологического содержания» [Там же, с. 86]. Важно отметить, что на рубеже веков расширилась и география учебных заведений, где работали палеонтологи: «В Казанском университе-

те работали профессора А. А. Штукенберг (1844–1905) и А. В. Нечаев (1864–1915), в Киевском университете – палеоботаник И. Ф. Шмальгаузен (1849–1894). Академик Н. И. Андрусов (1861–1924), профессор Новороссийского, Юрьевского и Киевского университетов, геолог Геологического комитета, в многочисленных работах 1886–1911 гг. показал богатство солоноватоводных фаун (преимущество моллюсков) неогеновых отложений Украины, Крыма, Кавказа и Закаспия, что позволило ему разработать детальную стратиграфическую схему неогена Восточного Паратетиса, действующую до сих пор» [Жамойда и др.].

Параллельно с развитием палеонтологии основные открытия начинают проникать в литературу. Как показывает И. А. Стародубцева, первые публикации для широкой публики об ископаемых появились благодаря Г. В. Рихману в «Примечаниях на Ведомости» в 1740 г. [Стародубцева, с. 77]. Основную массу популярных книг об окаменелостях в XVIII в. составляли переводы. «Из отечественных ученых Д. И. Соколов (1788–1852) первым обратился к популяризации научных знаний по палеонтологии. В 1823–1824 гг. в нескольких книжках журнала «Отечественные записки», издававшегося П. П. Свиньным, была опубликована статья Д. И. Соколова «О костях четвероногих животных, погребенных в земле, и преимущественно о тех, которые находятся в России» [Там же, с. 78–79]. В 1829 г. А. А. Иовский опубликует несколько статей, в 1839 г. палеонтолог Э. И. Эйхвальд в «Библиотеке для чтения» расскажет о формировании земной коры. В 1840-х гг. Эйхвальд продолжит популяризировать палеонтологию, также будут выходить статьи К. Ф. Рудь об ископаемых животных.

Легко заметить, что выходившие в тот период работы по палеонтологии носили научно-популярный характер и не были в полной мере художественными текстами. Развитие интереса к палеонтологии собственно в художественном плане произойдет на рубеже XIX и XX вв. и совпадет с очередным шагом в развитии науки.

Термин «палеофантастика» не очень распространен в русском литературоведении. Между тем, как убедительно показывает Е. Сошкин [Сошкин], для русского модернизма был характерен небольшой, но устойчивый интерес к этому направлению. В широком смысле к палеофантастике можно отнести произведения, рассказывающие о жизни древних людей, о попадании древнего человека или существа в мир автора или читателя и т.д. Е. Сошкин отмечает, что в английском литературоведении существуют два родственных, но не тождественных друг другу жанра: *prehistoric fiction*, представляющий собой «нарративы о доисторических людях и животных», и *prehistoric sci-fi*, к которому относятся «все прочие нарративы, в которых действуют доисторические люди и/или животные» [Там же]. Исследователь рассматривает только те тексты палеофантастики, которые можно было бы обозначить как *prehistoric fiction*. Впрочем, на наш взгляд, даже эти тексты во многом рассказывают о необычайном, поэтому вполне органично могут быть рассмотрены и в рамках фантастики [Ковтун, с. 12].

Е. Сошкин также выделяет несколько устойчивых мотивов, характеризующих ту ветвь палеофантастики, которая ближе к научной фантастике: «путешествие вспять во времени; обнаружение затерянного первобытного мира; обнаружение отдельных уцелевших представителей доисторической эпохи – людей или животных; постапокалиптическая инволюция человечества к первобытному состоянию; встреча доисторических людей с инопланетными существами» [Сошкин]. К этому направлению можно отнести повесть Петра Людвиговича Драверта под названием «Повесть о мамонте и ледниковом человеке: совершенно фантастическая история. Ч. 1. На Крайнем Севере». Она выходит в 1909 г. в Якутске под псевдонимом Д. Гектор.

Обратимся сперва к *prehistoric fiction*. В русской литературе это направление палеофантастики могут представить роман В. Г. Богораза «Жертвы дракона» (1908), неопубликованная при жизни миниатюра В. Брюсова «Отдаленные дни» (1898) и миниатюры А. Белого «Этюд» и «Ссора», а также научно-популярные произведения «Охотники каменного века» Д. Соколова (1913) и «Дети каменного века» Д. А. Коропчевского (1913). Тексты Брюсова и Белого выглядят своего рода исключением на общем фоне. Обычно к палеофантастике в России обращались профессиональные ученые [Сошкин]. Обратим внимание, что эта традиция была заложена еще популяризаторами науки в середине XIX в. Ученый-геолог Драверт, творчеству которого посвящена вторая часть статьи, как раз исключением не является, кроме того, во время своей ссылки в Якутске он получил опыт археологических раскопок [см. об этом: Жук, с. 9].

Можно выделить несколько базовых элементов, характерных для русских палеофантастических текстов рубежа веков. Прежде всего почти все тексты не локализованы в географическом плане. Только у Коропчевского уточняется, что действие происходит «в стране, которую мы теперь называем Англией» [Коропчевский, с. 111]. Все произведения представляют собой очерки из жизни первых людей, некие модели прошлого. И если у Богораза это попытка представить, как мог сложиться миф о спасении девушки от дракона, то у Брюсова и Белого это «фантазии на заданную тему». У Брюсова раненый воин получает мимолетное видение иного, горнего мира, а у Белого главными героями «Этюда» становятся постаревшие Адам и Ева с детьми. Происходит своего рода расчеловечивание первых людей. В повести Д. Соколова центральное место занимает сцена охоты, а у Коропчевского – история о взрослении мальчика Эда.

Отметим, что палеофантастика, как и научная фантастика, использует «литературные техники, “агрессивно” вводящие читателей в сферу воображаемого и маловероятного» [Зубов]. Как отмечает А. Зубов, описывая особенности научной фантастики, «читатели подобных текстов вынуждены иметь дело с пространством и временем фиктивным, а оттого нарочито фрагментарным и прерывистым» [Там же].

Возможно, именно этой фрагментарностью и прерывистостью объясняется тот факт, что А. Белый и В. Брюсов для опытов описания доисторического мира выбирают формы миниатюры – текста без начала и без конца. Таким образом, они практически не локализируют действие во времени, а в пространственном отношении важным топом становится костер.

В то же время Богораз дает достаточно подробную картину мира, где обитают одновременно мамонты и динозавры, то есть о конкретизации времени речи также не идет, а чувства персонажей, особенно Ронны, делают их похожими на персонажей романов XIX в.

Важную роль в русских палеофантастических произведениях играет мотив охоты: у Брюсова люди радуются удачной охоте, у Белого Адам идет на охоту, история Богораза во многом строится на том, что охота не удалась, именно этот факт служит завязкой сюжета. В повести Д. Соколова, как следует из названия, охота на мамонта – это кульминация.

Отметим, что почти все охотники отправляются именно за мамонтом:

В осеннее время Анаки занимались охотой на Мамонтов Сса. Правда, почтение их к Помощнику Отца было сильно, но голод был еще сильнее и не хотел считаться даже с богами. Охота на Мамонтов сопровождалась различными церемониями и очистительными обрядами перед страшною жертвой. Кроме того, племя имело право убить только одного Мамонта [Тан-Богораз].

Зеленые буки столпились над ямой, в которую попал по неосторожности мамонт. Охотники подкрались к ней и расположились вокруг, сжимая в своих длинных волосатых руках метательные орудия [Соколов, с. 36].

Мамонты редко заходили в лес и поднимались в верхнюю часть его, где за ними можно было охотиться. Тогда весть об этом передавалась по всей округе как о событии чрезвычайно важном. Это значило, что все ее жители, сколько их ни было, могут наесться досыта мамонтовым мясом и часть его унести с собой. Чтобы не упустить этой редкой добычи, надо было действовать быстро, а иначе все могло закончиться плохо» [Коропчевский, с. 152].

Таким образом, можно отметить, что фигура мамонта также является значимым мотивом для палеофантастического произведения. Останемся на этом обстоятельстве подробнее.

Как уже отмечалось выше, с описания мамонта началась российская палеонтология. Кроме того, именно мамонт стал одним из постоянных героев устных рассказов, особенно распространенных на территории Сибири [Кузнецова, с. 10]: считалось, что эти звери живут под землей и умирают ближе к поверхности, также был распространен сюжет, что мамонт погиб во время Великого потопа.

В. Н. Татищев в своем труде не только описал кости мамонта, но и собрал разнообразные предания о нем, которые затем прокомментировал. В частности, он не был согласен с тем, что этот зверь живет под землей, и с тем, что это кости слонов из армии Александра Македонского. Он пришел к выводу, что эти кости «слоновые суть», но слонов, вымерших давно и хорошо сохранившихся в Сибири из-за особенностей климата.

Важно отметить, что мамонт – с одной стороны, самый известный ископаемый зверь в России, с другой, он тесно связан с Сибирью и «сибирским текстом». Оба эти обстоятельства находят свое отражение в российском варианте *prehistoric sci-fi*, в повести П. Драверта «Повесть о мамонте и ледниковом человеке».

Петр Людвигович Драверт (1879–1945) – признанный авторитет в отечественной минералогии и отчасти геологии, поэт и малоизвестный писатель-фантаст. Его жизнь была тесным образом связана с Казанью, Уралом и Сибирью. Обратимся к творчеству Драверта-фантаста. Нет ничего удивительного в том, что он обращается к палеонтологической теме в фантастике – именно эту область он неплохо знал как ученый-исследователь.

В «Повести о мамонте и ледниковом человеке» молодой ссыльный, натуралист Виктор Антрацитов, отправляется на Крайний Север сторожить тушу найденного местными жителями мамонта до приезда экспедиции из Петербурга. Когда Виктор добирается до точки, выясняется, что мамонт пропал:

Мамонта не было; дикие звери, по-видимому, еще до зимы растаскали его по частям, и только несколько крупных костей с уцелевшими кое-где сухожилиями кусков кожи сиротливо лежали под разрытым снегом. Один хвост сохранился в неприкосновенности и, изогнувшись наподобие вопросительного знака, как бы недоумевал, что ему теперь делать. Даже бивней не было; какой-то проезжавший здесь промышленник вырубил их и увез с собой на память [Драверт, с. 168].

В ходе своих вылазок по окрестностям Виктор, однако, находит нечто более стоящее – тело древнего человека. Когда приезжает экспедиция, то находящийся при ней врач Сабуров устанавливает, что древний человек не умер, но спит. Заканчивается первая часть тем, что сотрудники экспедиции и Виктор созерцают спящего древнего человека:

В наиболее удаленной от камина части на широком ложе, устланном оленьими шкурами, лежал Человек. Он был наг, но мягкие рыжеватые волосы, покрывавшие почти все его тело, производили впечатление оригинальной ткани и не давали у наблюдателя развиваться ощущению наготы. Лицо его, почти до глаз заросшее бородой, было бы красиво, если бы не узкий лоб и несколько выдающаяся вперед нижняя челюсть. Впрочем,

не видно было еще глаз, которые могли бы смягчить грубое выражение физиономии... Человек все еще спал. Из ноздрей вылетало дыхание жизни. Широкая грудь мерно подымалась и опускалась... [Драверт, с. 180].

Е. Сошкин полагает, что произведение Драверта можно отнести к жанру палеофантастики, граничащему с научной фантастикой [Сошкин]. В центре его сюжета находится фантастическое допущение: ученые обнаружили живого, но замерзшего древнего человека. Дальнейшее развитие сюжета неизвестно. Е. И. Беленький отмечал, что в архиве Драверта не было найдено намеков на продолжение этой рукописи [Там же]. В то же время можно отметить, что неоконченный текст содержит элементы завязки авантюрно-приключенческого сюжета. На это есть намеки, в частности, в том, что властям изначально сообщают не о древнем человеке, а о непознанном трупе:

Через три недели Верхоямский капитан-исправник получил следующую бумагу: «Честь имею донести Вашему Вы-дию, что в пределах управляемого Вами округа на берегу р. Абагы-юрях откопано мертвое тело неизвестного звания. Знаков насилия на оном не замечено, а принадлежит оно человеку нехристианской веры, о чем заключено по неимению креста» [Там же, с. 170].

С другой стороны, у текста есть потенциал для превращения в роман, построенный в форме вопросно-ответной лекции: читатель получает научные сведения в ходе повествования (например, о том, как определить отсутствие сернистых газов в легких), также в тексте есть ссылки на другие исследования Сибири, например, на книги барона Гергарда Майделя. Е. Ю. Козьмина называет такие романы «сциентемами» [Козьмина, с. 60].

Можно констатировать, что произведение Драверта достаточно сильно контрастирует с другими палеофантастическими текстами, написанными в этот период. Прежде всего его текст достаточно точно локализован во времени благодаря разнообразным приметам: это и полицейский надзор, и обращения Виктора и приставленного к нему казака друг к другу и на письме, и пр.

У Драверта в тексте прошлое не моделируется (в отличие от текстов Богораза, Брюсова и др.), древний человек, найденный учеными в вечной мерзлоте, благодаря развитию медицины просыпается в начале XX в. В тексте Драверта очень подробно описывается местность за Усть-Ямском, где нашли мамонта и человека. Описания внешних обстоятельств и поездки до места, где люди видели кости мамонта, занимают основной объем неоконченного романа.

Примечательно, что в своей повести Драверт вольно или невольно воспроизводит многие константы, характерные для «сибирского текста». «Сибирский текст», особенности его бытования, выделения

и определения исследуется в отечественном литературоведении второе десятилетие [Тюпа; Анисимов, 2006]. Под «сибирским текстом» в данной статье понимается совокупность всех текстов о Сибири, созданных в XIX – начале XX в. В данном случае важен «комплекс сибирских мифологем в классических произведениях XIX века» [Сибирский текст, с. 3]. Более узкое понимание «сибирского текста» предполагает рассмотрение аутентичного творчества авторов – уроженцев региона [Там же]. В то же время в понятие «сибирский текст» имеет тенденцию и к расширению за пределы русской литературы, в частности, в него включаются и исследования по зарубежной беллетристике о Сибири [Башкирова, Сулов; Олицкая]. Отметим, что поэтическое творчество П. Л. Драверта обычно рассматривается в этой парадигме. Драверт воспринимается как поэт Сибири [Беленький; Лейфер].

В. И. Тюпа, говоря о «сибирском тексте», отмечает: «К XIX столетию Сибирь была не только освоена Российской империей геополитически, но и усвоена русской культурой в качестве некоторого концепта. Сибирь с ее каторгами, пересыльными тюрьмами, принудительными поселениями и одновременно искателями счастья (переселенцами) в национальном сознании мифологизировалась, стала достоянием “доксы”, общепонятным хронотопическим образом некоторого способа присутствия человека в мире» [Тюпа, с. 27]. Сибирь превращается в литературном сознании в своеобразную страну мертвых: ее отличительными чертами становятся холод, зима, ночь (луна). В. И. Тюпа убедительно показывает, что для «сибирского текста» русской литературы характерны лиминальность и мотив возрождения героя (эпилог «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского, роман «Воскресение» Л. Н. Толстого, рассказ А. П. Чехова «В ссылке») [Там же, с. 32–34].

Таким образом, Сибирь – это не только страна мертвых, но и место, где герой, пройдя инициацию смертью, получает возможность выхода к новой жизни. Хотя, как уточняет А. П. Казаркин, такая трактовка – это «внешняя точка зрения» на Сибирь [Казаркин, с. 32]. К. В. Анисимов отмечает, что у Сибири в русской культуре и литературе есть и утопическая, позитивная семантика. С одной стороны, именно в Сибири локализовались фольклорные тексты о Беловодье, с другой – некоторые герои, например Стародум Д. И. Фонвизина, добровольно едут в Сибирь на заработки [Анисимов, 2007, с. 66]. Важным представляется наблюдение В. А. Доманского о том, что «сибирский текст» должен включать в себя не только художественные, но и научные, научно-популярные и публицистические тексты. По мнению ученого, в «сибирском тексте» выделяются следующие уровни: «мифологический, фольклорный, этнологический, географический, природно-климатический, социальный, историко-культурный» [Доманский, с. 55]. Некоторые из этих уровней – географический, природно-климатический и социальный – задействованы в «русском» романе «Михаил Строгов» Жюль Верн (1875). Здесь

Сибирь представлена совершенно иначе, она становится «фоном для «авантюрных путешествий»» [Левина, с. 9]. Первое издание в России авантюрно-географического романа Ж. Верна появилось только в 1900 г., хотя знакомство с ним в России состоялось ранее, так как роман пользовался большой популярностью на Западе [Москвин].

Образ мамонта связывает неоконченное произведение Драверта с «сибирским текстом». Ранее уже отмечалось, что мамонт в своем физическом (кости) и символическом (поверья) воплощении значим именно для этого региона. В рассмотренных выше палеофантастических произведениях мамонт всегда представляет грозную силу, Драверт же встраивает его образ в авантюрный контекст.

Можно установить две тенденции в презентации «сибирского текста»: фон для авантюрного романа и лиминальное пространство классической литературы. В неоконченном романе Драверта, по моим наблюдениям, соединяются обе тенденции: и лиминальность классической литературы, и авантюренность западной беллетристики. Главный герой Виктор Антрацитов – «государственный ссыльный, который в долгие и томительные часы вынужденного досуга занимался кой-какими исследованиями и писал диссертацию на тему «О влиянии низких температур на степень удобоваримости малосъедобных предметов». Конечно, соответствующие опыты он производил над собой, а отчасти и над своей женой, которая самоотверженно предложила свой желудок для научных экспериментов» [Драверт, с. 164]. При этом Виктор не переживает сложных душевных терзаний, он типичный герой складывавшегося в тот период жанра научной фантастики, ученый, увлеченный своим делом, отчасти иронически изображенный автором.

Значимое место в «Повести о мамонте и ледниковом человеке» занимает описание пространств Сибири. При этом Драверт отчасти наследует традиции «просветительского путешествия» [Лебедева]: он дает краткие очерки быта и местных традиций. Например, описываются «»поварни», где путники останавливались для отдыха и кормежки оленей» [Драверт, с. 165].

В ходе повествования Драверт все время подчеркивает немислимые расстояния Сибири, а природа Крайнего Севера напоминает описание страны мертвых: «Через три дня они выехали к Абага-юрях. Путь лежал по голой безлесной тундре, где лишь чахлые кусты тальника подымались над необозримой снежной поляной. Бледное солнце только на два часа показывало свой лик, зато огненные пальцы, пурпурно-лиловые складки и красочные дуги северного сияния проявлялись во всей красе» [Там же, с. 167]. Сочетание бледного солнца и огненных пальцев рисует inferнальную картину. Таким образом, в тексте Драверта функционируют одновременно мифологический и географический уровни. Не чуждо повествование и социальной проблематики: казак, приставленный для надзора за ссыльным, дает «барину» прочитать свой донос на него.

Дальнейшие приключения натуралиста переводят повествование из «просветительского путешествия» в регистр авантюрной фантастики и палеофантастики. Виктор обнаруживает тело доисторического человека. Впоследствии, как уже указывалось выше, окажется, что человек не умер, а спит.

Подобный переход от смерти к жизни, по сути – к воскресению роднит текст Драверта с основными мифологемами «сибирского текста», выделенными В. И. Тюпой. В царстве смерти, на Крайнем Севере силой науки существо, считавшееся мертвым, пробуждается к жизни. При этом, как и в текстах классической литературы, подлинного воскресения в рамках повествования не наступает. Показан путь, который ждет героя в будущем, но который не входит в повествование. Можно только догадываться, каким образом могла быть продолжена (и могла ли) «Повесть о мамонте и ледниковом человеке». Но анализируемый роман явно показывает, что мифологема «сибирского текста» к началу XX в. были в достаточной мере осмыслены русской литературой и проникали в том числе в развлекательные жанры.

Изучение фантастики, включающей пространство Сибири, не фиксирует творчество Драверта. Исследования и библиографические изыскания [Осипов] начинаются с 1920-х гг., а кульминации сибирская фантастика достигает в 1960–1970-е гг., что совпадает с расцветом научной фантастики в советской литературе. Между тем, первый фантастический текст, относящийся к достаточно редкому направлению палеофантастики, возникает в Сибири в 1909 г.

Библиографические ссылки

- Анисимов К. В.* Типологические аспекты русской литературы Сибири XIX – начала XX века // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. 2006. № 3. С. 141–148.
- Анисимов К. В.* Парадигматика и синтагматика сибирского текста русской литературы (Постановка проблемы) // Сибирский текст в русской культуре : сб. ст. Вып. 2 / под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебrenникова. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2007. С. 60–76.
- Башкирова О. А., Сулов И. Н.* Образ Сибири в произведениях писателей нашего края // Омск. науч. вестн. 2012. № 2 (106). С. 177–180.
- Беленький Е. И.* Поэт земли и звезд // Драверт П. Л. Незакатное вижу я солнце : (стихи и проза). Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1979. С. 6–20.
- Геллер Л.* Вселенная за пределами догмы : Размышления о советской фантастике. L. : Overseas Publ. Interchange, 1985. 444 с.
- Доманский В. А.* Структурные уровни сибирского текста // Сибирский текст в русской культуре : сб. ст. Вып. 2 / под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебrenникова. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2007. С. 50–59.
- Драверт П. Л.* Незакатное вижу я солнце : (стихи, проза) / сост. и авт. вступ. ст. Е. И. Беленький. Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1979. 220 с.
- Жамойда А. И., Рожнов С. В. и др.* Столетие палеонтологического общества России : ист. очерк // Ист.-биол. исслед. 2016. Т. 8, № 2. С. 83–106.
- Жук А. В.* Омская стоянка: открытие, первые коллекции и первые впечатления // Творчество в археологическом и этнографическом измерении : сб. науч. тр. Омск : Наука, 2013. С. 5–33.
- Зубов А.* «Топографический поворот»: исследования о времени и пространстве в спекулятивной фантастике // Новое лит. обозрение : [сайт]. 2012. № 1 (113). URL:

https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18525/ (дата обращения: 26.02.2022).

Казаркин А. П. Литературная классика Сибири: подход к дефиниции // Сибирский текст в русской культуре : сб. ст. Вып. 2 / под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебренникова. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2007. С. 32–43.

Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века. М. : Высш. шк., 2008. 484 с.

Козьмина Е. Ю. Фантастический авантюрно-исторический роман : поэтика жанра. М. ; Екатеринбург : Кабинет. ученый, 2017. 292 с.

Корочевский Д. Дети каменного века : Рассказ из давнего прошлого // Охотники каменного века / сост. и подг. текста В. Барсукова. [Б. м.] : Salamandra P. V. V., 2019. С. 109–167.

Кузнецова В. С. Рябчик и Мамонт в легендах русской фольклорной «Библии» // Сиб. филол. журн. 2008. № 3. С. 5–13.

Лебедева О. Б. Жанровое своеобразие «Путешествия» в соотношении с национальной литературной традицией // Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века. М. : Высш. шк., 2003. С. 359–361.

Левина Ж. Е. Мировоззренческие революции XIX – начала XX века и образ Сибири в социокультурной практике западносибирских художников 20–30-х гг. XX в. // Омск. науч. вестн. Сер.: Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 9–17. DOI 10.25206/2542-0488-2020-5-1-9-17.

Лейфер А. Э. Незакатное солнце поэзии // Вечерний Омск. 1979. 14 сент.

Москвин А. Фантазии в историко-географическом пространстве // Верн Ж. Соч. : в 26 т. М. : Ладомир, 1997. Т. 19. С. 445–455.

Олицкая Д. А. Образы Сибири в немецкой паралитературе XIX и XX вв. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 18. С. 44–64. DOI 10.17223/23062061/18/3.

Осипов А. Фантастика в творчестве писателей-сибиряков : библиография // Зеленый поезд / сост. А. Якубовский. М. : Молодая гвардия, 1976. С. 327–334.

Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2010. 237 с.

Соколов Д. Охотники каменного века : (Очерки первобытной охоты) // Охотники каменного века / сост. и подг. текста В. Барсукова. [Б. м.] : Salamandra P. V. V., 2019. С. 31–42.

Сошкин Е. Русский модернизм и палеофантастика // Зеркало : [сайт]. 2020. № 55. URL: <http://zerkalo-litart.com/?p=12502> (дата обращения: 26.02.2022).

Стародубцева И. А., Алексеев А. С. История российской палеонтологии. В. Н. Татищев (1686–1750) // Бюл. МОИП. Отд. геологический. 2015. Т. 90, № 5. С. 60–68.

Стародубцева И. А. Первые опыты популяризации науки об ископаемых организмах в России // Бюл. МОИП. Отд. геологический. 2016. Т. 91, № 1. С. 77–88.

Тан-Богораз В. Г. Жертвы Дракона // Lib.ru: Классика : [сайт]. URL: http://az.lib.ru/t/tanbogoraz_w_g/text_0010.shtml (дата обращения: 26.02.2022).

Тюна В. И. Мифология Сибири: к вопросу о сибирском тексте русской литературы // Сиб. филол. журн. 2002. № 1. С. 27–35.

References

Anisimov, K. V. (2006). Tipologicheskie aspekty russkoi literatury Sibiri XIX – nachala XX veka [Typological Aspects of the Russian Literature of Siberia in the 19th – Early 20th Centuries]. In *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. No. 3, pp. 141–148.

Anisimov, K. V. (2007). Paradigmatika i sintagmatika sibirskogo teksta russkoi literatury (Postanovka problemy) [Paradigmatics and Syntagmatics of the Siberian Text of Russian Literature (Articulation of the Problem)]. In Kazarkin, A. P., Serebrennikov, N. V. (Eds.). *Sibirskii tekst v russkoi kul'ture. Sbornik statei*. Iss. 2. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 60–76.

Anisimov, K. V. (Ed.). (2010). *Sibirskii tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian Text in the National Plot Space]. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet. 237 p.

Bashkirova, O. A., Suslov, I. N. (2012). *Obraz Sibiri v proizvedeniyakh pisatelei nashego kraia* [The Image of Siberia in the Works of Writers of Our Region]. In *Omskii nauchnyi vestnik*. No. 2 (106), pp. 177–180.

Belen'kii, E. I. (1979). *Poet zemli i zvezd* [Poet of Earth and Stars]. In Dravert, P. L. *Nezakatnoe vizhu ya solntse. (Stikhi, proza)*. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 6–20.

Domanskii, V. A. (2007). *Strukturnye urovni sibirskogo teksta* [Structural Levels of the Siberian Text]. In Kazarkin, A. P., Serebrennikov, N. V. (Eds.). *Sibirskii tekst v russkoi kul'ture. Sbornik statei*. Iss. 2. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 50–59.

Dravert, P. L. (1979). *Nezakatnoe vizhu ya solntse. (Stikhi, proza)* [I see the Unsetting Sun. (Poetry, Prose)]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 220 p.

Heller, L. (1985). *Vselennaya za predelami dogmy. Razmyshleniya o sovetskoii fantastike* [The Universe beyond Dogma. Reflections on Soviet Fiction]. L., Overseas Publ. Interchange. 444 p.

Kazarkin, A. P. (2007). *Literaturnaya klassika Sibiri: podkhod k definitsii* [Literary Classics of Siberia: An Approach to the Definition]. In Kazarkin, A. P., Serebrennikov, N. V. (Eds.). *Sibirskii tekst v russkoi kul'ture. Sbornik statei*. Iss. 2. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, pp. 32–43.

Koropchevskii, D. (2019). *Deti kamennogo veka: Rasskaz iz davnego proshlogo* [Children of the Stone Age: A Tale from the Long Past]. In Barsukova, V. (Ed.). *Okhotniki kamennogo veka*. [S. I.], Salamandra P. V. V., pp. 109–167.

Kovtun, E. N. (2008). *Khudozhestvennyi vymysel v literature XX veka* [Literary Fiction in 20th-Century Literature]. Moscow, Vysshaya shkola. 484 p.

Koz'mina, E. Yu. (2017). *Fantasticheskii avantyurno-istoricheskii roman: poetika zhanra* [Science Fiction Adventure and the Historical Novel: Poetics of the Genre]. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 292 p.

Kuznetsova, V. S. (2008). *Ryabchik i Mamont v legendakh russkoi fol'klornoii "Biblii"* [The Grouse and the Mammoth in the Legends of the Russian Folklore "Bible"]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 3, pp. 5–13.

Lebedeva, O. B. (2003). *Zhanrovoe svoeobrazie "Puteshestviya" v sootnoshenii s natsional'noi literaturnoi traditsiei* [Genre Originality of "Journey" in Relation to the National Literary Tradition]. In Lebedeva, O. B. *Istoriya russkoi literatury XVIII veka*. Moscow, Vysshaya shkola, pp. 359–361.

Leifer, A. E. (1979). *Khuzakatnoe solntse poezii* [The Unsetting Sun of Poetry]. In *Vechernii Omsk*. 14 September.

Levina, Zh. E. (2020). *Mirovozzrencheskie revolyutsii XIX – nachala XX veka i obraz Sibiri v sotsiokul'turnoi praktike zapadnosibirskikh khudozhnikov 20–30-kh gg. XX v.* [Worldview Revolutions of the 19th – Early 20th Centuries and the Image of Siberia in the Social and Cultural Practice of Artists of Western Siberia in the 1920s–1930s]. In *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 5. No. 1, pp. 9–17. DOI 10.25206/2542-0488-2020-5-1-9-17.

Moskvin, A. (1997). *Fantazii v istoriko-geograficheskom prostranstve*. In Verne, J. *Sochineniya v 26 t.* Moscow, Ladimir. Vol. 19, pp. 445–455.

Olitskaya, D. A. (2018). *Obrazy Sibiri v nemetskoii paraliterature XIX i XX vv.* [Images of Siberia in German Paraliterature of the 19th and 20th Centuries]. In *Tekst. Kniga. Knigozdanie*. No. 18, pp. 44–64. DOI 10.17223/23062061/18/3.

Osipov, A. (1976). *Fantastika v tvorchestve pisatelei-sibiryakov. Bibliografiya* [Fantasy in the Work of Siberian Writers. A Bibliography]. In Yakubovskii, A. (Ed.). *Zelenyi poezd*. Moscow, Molodaya gvardiya, pp. 327–334.

Sokolov, D. (2019). *Okhotniki kamennogo veka. (Ocherki pervobytnoi okhoty)* [Hunters of the Stone Age. (Essays on Primitive Hunting)]. In Barsukova, V. (Ed.). *Okhotniki kamennogo veka*. [S. I.], Salamandra P. V. V., pp. 31–42.

Soshkin, E. (2020). Russkii modernizm i paleofantastika [Russian Modernism and Paleo-Fiction]. In *Zerkalo* [website]. No. 55. URL: <http://zerkalo-litart.com/?p=12502> (accessed: 26.02.2022).

Starodubtseva, I. A. (2016). Pervye opyty populyarizatsii nauki ob iskopaemykh organizmakh v Rossii [The First Attempts to Popularise the Science of Fossil Organisms in Russia]. In *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel geologicheskii*. Vol. 91. No. 1, pp. 77–88.

Starodubtseva, I. A., Alekseev, A. S. (2015). Istoriya rossiiskoi paleontologii. V. N. Tatishchev (1686–1750) [History of Russian Paleontology. V. N. Tatishchev (1686–1750)]. In *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel geologicheskii*. Vol. 90. No. 5, pp. 60–68.

Tan-Bogoraz, V. G. (1909). Zhertvy Drakona [Dragon's Victims]. In *Lib.ru: Klassika* [website]. URL: http://az.lib.ru/t/tanbogoraz_w_g/text_0010.shtml (accessed: 26.02.2022).

Tyupa, V. I. (2002). Mifologema Sibiri: k voprosu o sibirskom tekste russkoi literatury [The Mythologeme of Siberia: On the Question of the Siberian Text of Russian Literature]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 1, pp. 27–35.

Zhamoida, A. I., Rozhnov, S. V., et al. (2016). Stoletie paleontologicheskogo obshchestva Rossii. Istoricheskii ocherk [100 Years of the Russian Paleontological Society: A Historical Survey]. In *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. Vol. 8. No 2, pp. 83–106.

Zhuk, A. V. (2013). Omskaya stoyanka: otkrytie, pervye kolleksitsii i pervye vpechatleniya [The Omsk Site: Discovery, First Collections, and First Impressions]. In *Tvorchestvo v arkheologicheskoi i etnograficheskoi izmerenii. Sbornik nauchnykh trudov*. Omsk, Nauka, pp. 5–33.

Zubov, A. (2012). “Topograficheskii povорот”: issledovaniya o vremeni i prostranstve v spekulativnoi fantastike [“The Topographical Turn”: Studies on Time and Space in Speculative Fiction]. In *Novoe literaturnoe obozrenie* [website]. No. 1 (113). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18525/ (accessed: 26.02.2022).

The article was submitted on 28.02.2022